

Выражение погоды в чукотском: образование основ, инкорпорация и трансимперсональные конструкции

Алексей Игоревич Виняр

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

alexvinyar@yandex.ru

В статье рассматриваются погодные конструкции в чукотском языке, а именно морфосинтаксические средства, с помощью которых этот язык выражает события, связанные с погодными и природными явлениями. В число таких событий принято включать как динамические ситуации, вроде дождя или молнии, так и статические, вроде состояний температуры или освещенности. Удалось обнаружить, что чукотский язык выражает эти события такими средствами морфологии и синтаксиса, которые не только отличаются от более описанных средств в языках Евразии, но и не слишком удачно вписываются в принятые классификации погодных конструкций: в чукотском языке синтаксически сведения о погодном событии заключены в предикат, однако основную информацию о нем передают именные корни. Таким образом, сложно назвать лексикализацию погоды ограниченной именным или глагольным доменом, равно как и смешанной — выражающейся в обоих типах словоформ. Основное лексическое значение и более абстрактное предикативное в чукотском действительно оказываются разделены между морфемами разных лексических классов, однако обе такие морфемы практически всегда объединены в одну предикативную словоформу. Подобная «двойственность» чукотского становится возможной благодаря продуктивной инкорпорации «подлежащего» и отымённой вербализации (в том числе с помощью так называемых лексических аффиксов) в домене погодных значений. Эти две морфосинтаксические стратегии демонстрируют те же формальные сходства и при описании более локализуемых в пространстве природных явлений (таяние льда, сход лавины): в этих, а не в других конструкциях, оказываются возможными как нульместные имперсональные клаузы, так и, в некоторых случаях, трансимперсональные. Так, в случае чукотского

языка можно говорить об особом статусе клауз «природных явлений», куда, в частности, входят и погодные клаузы. Такие морфосинтаксические конструкции и ограничения на их формирование представляют отдельный интерес и требуют дополнительного исследования, однако уже в этой статье мы можем отметить, что они демонстрируют сложные ограничения на структуру события при выборе между переходной трансимперсональной и непереходной конструкцией, а также нетривиальные лексические ограничения на возможность образования нульместной имперсональной конструкции: последняя, по-видимому, оказывается возможна только для некоторых природных (в отличие от связанных с деятельностью человека) ситуаций.

Ключевые слова: чукотский язык; погодные конструкции; инкорпорация имени; отымённые вербализаторы; лексические аффиксы

Для цитирования: Виняр А. И. Выражение погоды в чукотском: образование основ, инкорпорация и трансимперсональные конструкции. *Родной язык. Лингвистический журнал*, 2026, 1: 59–97. DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-59-97

Chukchi weather expressions: Stem formation, incorporation and transimpersonal constructions

Aleksey Igorevich Vinyar

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
alexvinyar@yandex.ru*

In this article I discuss weather constructions in the Chukchi language, focusing on the morphosyntactic means by which Chukchi expresses events related to weather and natural phenomena. Both dynamic situations, such as rain or lightning, and static ones, such as temperature or lighting conditions, are usually included in discussions of weather constructions. Chukchi expresses such events by means of morphology and syntax that not only differ from the more widely explored means in other languages of Eurasia, but also do not fit very well into the accepted classifications of weather constructions. Thus, in Chukchi, information about a weather event is syntactically inclu-

ded in the predicate word form, but the main lexical information about the event in question is conveyed by nominal roots. Thus, it's difficult to characterize the lexicalization of weather in Chukchi as limited to either the nominal or verbal domain, nor as a mixed domain that is expressed by both types of word forms. The primary lexical meaning and the more abstract predicative meaning in Chukchi are indeed divided between morphemes of different lexical classes, but both such morphemes are almost always combined into a single predicative word form. Such a "duality" in Chukchi is possible due to productive incorporation and denominal verbalization (including constructions formed via so-called lexical affixes) in the weather domain. These two morphosyntactic strategies also demonstrate the same formal similarities when describing more spatially localized natural phenomena (ice melting, avalanches): in these particular constructions, zero-place impersonal clauses are possible, and in some cases, transimpersonal ones. Thus, in the case of Chukchi, one can speak of a special status for "natural phenomena" clauses, which, in particular, include weather clauses. Such morphosyntactic constructions and the restrictions on their formation are of particular interest and require further study. However, in this article, we can already note that they demonstrate complex constraints on the structure of an event when choosing between a transitive transimpersonal and an intransitive construction. Additionally, one can observe nontrivial lexical restrictions on the possibility of forming a zero-place impersonal construction: the latter, apparently, is possible only for certain natural (as opposed to human-related) situations.

Keywords: Chukchi language; weather constructions; noun incorporation; denominal verbalizers; lexical affixes; transimpersonal constructions

For citation: Vinyar A. I. Chukchi weather expressions: Stem formation, incorporation and transimpersonal constructions. *Rodnoy yazyk. Linguistic Journal*, 2026, 1: 59–97.

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-59-97

1. Введение

1.1. Типология погодных конструкций и чукотские данные

Исследование морфосинтаксиса «погодных» конструкций (*weather constructions* в англоязычной литературе, далее я даю этот термин без кавычек), то есть способов организа-

ции клауз, описывающих погодные события и их возможных участников — не самое популярное направление работ по синтаксису клаузы (см. обсуждение и обзор в [Eriksen et al. 2012]). При этом погодные конструкции привлекают лингвистов не только как не полностью изученная область: особенности событий, которые эти конструкции кодируют, ставят важные вопросы перед подходами к аргументной структуре клаузы (см. рассуждения в [Levin & Krejci 2019]). Среди них — не только вопрос о статусе подлежащего в литературном (1a) и в допустимом в некоторых вариантах (1b) русских предложениях или их английском аналоге (1c); но и само различие между аргументом и предикатом в таких клаузах: с точки зрения семантики именно синтаксический аргумент *дождь* в (1a) передает основное содержание события, а синтаксический предикат *идет* является по-своему десемантизированным.

- (1) а. Идет дождь
 b. Дождит
 c. It rains

Типологические исследования таких конструкций, как отмечено в [Eriksen et al. 2010] и [Dong et al. 2020], к сожалению, не отличаются разнообразием — для этого нужно больше специализированных, выходящих за пределы даже подробных грамматик описаний погодных конструкций, особенно в менее изученных языках (подобных исследованию [Salo 2011] для уральских языков). В настоящей статье я, к сожалению, не предлагаю исчерпывающего обзора проблем, связанных с погодными конструкциями в чукотском языке¹, но на мате-

¹ В этой работе, если не указано обратного, используется языковой материал амгуэмского варианта чукотского языка, собранный автором в 2018–2023 годах в селе Амгуэма Иультинского района Чукотского АО. В этом исследовании, за исключением примера (19), я привожу исключительно элицитированный (с русского или с чукотского стимула) материал. Каждое такое предложение проверялось как минимум с тремя людьми, для которых чукотский является первым или одним из двух первых языков. Я бесконечно благодарен чукчам, с которыми нам

риале новых полевых данных привожу некоторые основные и ранее не обобщенные сведения, способные заинтересовать типологов, работающих в этом направлении.

Кроме того, чукотские погодные конструкции представляют интерес морфосинтаксическими стратегиями, которые в них используются. Во-первых, возможности инкорпорации подлежащего и образования отымённых глаголов с помощью конкретных по значению вербализаторов² позволяют выразить и потенциальный «предикат», и «аргумент» в одной глагольной словоформе даже в том случае, если потенциально это погодное событие не лексикализуется в одном корне (см. пример (2) с инкорпорацией именного корня в глагольную основу). Во-вторых, класс конструкций, описывающих погодные события, при этом не исчерпывается имперсональными (см. [Malchukov & Siewerska 2011]) конструкциями в узком смысле: в некоторых случаях, но не всегда, в позицию S-участника возможно добавление выраженного «эксплетивного» десемантизированного существительного, в первом приближении значащего «погода, пространство снаружи помещения»³ (4). Кроме того, чукотские глагольные основы, способные образовывать имперсональные по-

удалось поработать начиная с 2016 года за их терпение, внимание и проницательность. Кроме того, в написании этой статьи мне очень помогли чуткость и организованность Инны Зибер, Ивана Стенина и Андриана Влахова, а также внимательность анонимной рецензентки. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10199, <https://rscf.ru/project/24-78-10199>.

² Об этих морфологических процессах подробнее сказано в разделе 2.

³ Оговоримся, что данное существительное в своих свойствах далеко от английского *it* в подобных конструкциях. Помимо прямого вопроса о погоде, оно, видимо, никогда не обязательно. Что еще важнее, оно невозможно при многих типах погодных конструкций, особенно при объектно-ориентированных (см. раздел 1.2). У этого слова в погодных конструкциях, тем не менее, есть свои интересные синхронные и диахронические свойства, которые тем не менее требуют отдельного рассмотрения.

годные клаузы, также способны и образовывать схожие по значению клаузы, в которых описывается не только погодное событие, но и его воздействие на некоторое место (3) или одушевленного участника (5). Участник под воздействием в них выражается как ядерный S- или P-аргумент глагола, маркируясь номинативом согласно общей для чукотского эргативной стратегии падежного маркирования, что делает по крайней мере второй случай таких предложений трансперсональными в терминологии [Malchukov 2008].

- (2) *weem-patkəntet-yʔ-i*
 река-лопаться-th-2/3sg.s
 'Лед на реках полопался'.
- (3) *weem-patkəntet-yʔ-i* *ramaj*
 река-лопаться-th-2/3sg.s постоянная.стоянка
 'В поселке лед на реке и ручьях полопался'.
- (4) (*ɲaryənen*) *sʔeseŋ-rʔu-yʔ-i*
 наружа мороз-distr.s-th-2/3sg.s
 'На улице морозно стало'.
- (5) *qaa-nta-tʔə-n*
 олень-go.do-attr-nom.sg
terk-amesan-ne-n
 low.a-солнце-скрыватьс-3sg.a.3.o-3sg.o
 'Солнце скрылось, и дневному дежурному легче (досл.
 «Солнце-скрылось дневного дежурного»)'.

Эта статья устроена следующим образом. В разделе 2.1 я уточню, какие события обычно понимаются под «погодными конструкциями», и приведу основные средства образования глагольных основ в чукотском, способных участвовать в таких конструкциях. В разделе 2.2 я предварительно соотнесу эти морфологические средства с семантическими подтипами погодных конструкций. Раздел 3 посвящен еще полностью не исследованным, но интересным сюжетам из морфосинтаксиса чукотских имперсональных конструкций. В разделе 3.1 я коротко обобщу имеющуюся литературу и собственные полевые данные об инкорпорации

подлежащего в погодных конструкциях, позволяющие говорить о том, как семантически «далекие от погодных» конструкции могут сближаться с погодными в чукотском языке. Наконец, в разделе 3.2 я обращаюсь к возможности основ, образующих погодные конструкции, выражать в качестве своих ядерных аргументов участников, находящихся под воздействием погодного явления, а также приведу предварительный анализ факторов, от которых будет зависеть «персональный» или «трансперсональный» статус таких конструкций.

1.2. Необходимые сведения о чукотском языке

Кратко сформулируем основные сведения о морфосинтаксисе чукотского языка, необходимые для понимания нашего подхода. Более подробно грамматика чукотского языка изложена в фундаментальных трудах [Скорик 1961, 1977; Dunn 1999] и [Muravyova et al. 2001].

В чукотском языке границы слова достаточно четко выделяются правилами ассимиляции и диссимиляции согласных, структурой слога с расщеплением консонантных кластеров, устранением зияний, а также правилами гармонии гласных (подробнее см. [Муравьева 1979]). В морфологии представлена как суффиксация, так и префиксация с циркумфиксацией⁴, а сама морфология может быть охарактеризована как подчиняющаяся как правилам семантической сферы действия, так и позиционным правилам⁵ (подробнее о роли сферы действия и фиксированного порядка в чукотской глагольной морфологии см. [Dunn 1999: 254–255]).

Словоизменительная морфология в чукотском достаточно четко разделяет именные синтаксические единицы, которые требуют падежных аффиксов, и предикаты, которые

⁴ Некоторые морфемы, такие как каузативные и аппликативные «циркумфиксы», в этой работе отгlossированы как содержащие префикс и суффикс, в соответствии с обозначенным выше принципом максимальной морфологической членимости без нарушения композициональности.

⁵ Подробнее о двух типах организации «полисинтетической» морфологии см. Mattissen [2004].

оформляются видовременными показателями и полиперсональными индексами лица и числа⁶. Существует также большое число нефинитных предикатов, показатели многих из которых синхронно и исторически как минимум совпадают с падежными.

Зависимостное маркирование ядерных участников на уровне клаузы (см. [Nichols 1986]) в чукотском языке строго эргативное: S- и P-участник оформляются номинативом (который может не иметь показателя, выражаться редупликацией или одним из показателей в зависимости от основы), тогда как A-участник маркируется инструментальным падежом (ср. (6) и (7)).

- (6) *ətəy-e* *ekk-in* *wałə-Ø*
отец-INS сын-GEN knife-NOM.SG
Ø-rəne-ni-n
2/3.S/A-точить-3SG.A.3.O-3SG.O
‘Отец поточил нож сына’.

- (7) *yəmə-ka-jpə* *qora-t* *Ø-yəntek-wʔe-t*
я-OBL-ABL олень-NOM.PL 2/3.S/A-убегать-ТН-PL
‘Олени убежали от меня’.

Система глагольной полиперсональной индексации в чукотском совмещает в себе и эргативные, и иерархические, и, в какой-то степени, также номинативно-аккузативные черты. Подробнее обзор этой системы можно увидеть в Dunn [1999: 175–194] для телькепского диалекта, в этом отношении отличающегося от амгуэмского говора лишь означением некоторых показателей⁷.

⁶ Многочисленные нефинитные формы не несут показателей времени и показателей лица и числа. Сами нефинитные показатели часто на синхронном уровне совпадают с косвенными падежами. Именные и глагольные основы могут различаться и деривироваться одни из других с помощью показателей номинализации и вербализации, однако присутствуют и случаи, которые можно анализировать как конверсию.

⁷ Стоит тем не менее отметить, что синтаксические особенности разных чукотских диалектов, в том числе обсуждаемые в

Хотя статус подлежащего и синтаксической эргативности в чукотском языке представляется непростым вопросом (см. обсуждения в [Comrie 1979]; [Nedjalkov 1979], [Polinsky 2016], а также [Kasyanova 2019] для амгуэмского чукотского), для нашего подхода к инкорпорации эти вопросы не настолько существенны, поэтому далее мы иногда будем употреблять термин «прямой объект» для неинкорпорированного участника морфосинтаксически переходной клаузы в номинативе, а термин «подлежащее» — для А- или S-участника переходной и непереходной клауз соответственно.

Чукотский можно во многом охарактеризовать как язык с порядком слов, основанным на прагматике и информационной структуре (см. [Mithun 1987] и предварительный анализ [Dunn 1999: 344–355] для порядка слов в телькепском чукотском).

2. Семантические типы погодных конструкций и их «лексикализация»

2.1. Погодные конструкции, имперсональные конструкции и их соотношение в чукотском

В этом разделе я поясняю свой подход к погодным конструкциям: как семантическую часть исследования (на какие типы событий я обращаю внимание), так и синтаксическую часть (какие типы кодирования интересны прежде всего как объединяющие погодные конструкции). Начну с того, какие типы событий уместно считать погодными конструкциями. В основу этой части раздела легли размышле-

этой работе, остаются во многом неизученными. Это касается, в частности, и отличий амгуэмских данных от данных в работах [Недялков 1977, 1982], основанных на работе с носителями из той же «северо-западной» группы говоров. Не всегда ясно, дополняют ли наши данные выводы предыдущего исследователя либо же амгуэмский вариант в чем-то отличается от других «северо-западных» говоров. Подробнее о диалектном членении чукотского языка можно прочитать в работе [Пупынина 2013].

ния [Eriksen et al. 2012: 391–399]. Подчеркну, что в Таблицу 1 внесены некоторые изменения по сравнению с классификацией вышеупомянутой работы. Частично они основаны на гораздо менее детальном, но более всеобъемлющем подходе [Dong et al. 2020], а частично на моих размышлениях о логике подобного исследования. Основным добавлением является третья строка таблицы — погодные явления, в которых достаточно четко разделяется природный объект и событие, происходящее с ним. Вероятно, такой тип событий не учитывался [Eriksen et al. 2012] из-за того, что подобные события часто достаточно хорошо локализуемы в пространстве («лавины», к примеру). Тем не менее, часть таких неучтенных событий не менее «всеобъемлющи», чем события из первых двух типов («таяние рек», к примеру, обычно касается не только отдельно наблюдаемого водоема). Таким образом, есть основания рассматривать эти события вместе с другими погодными, хотя во многих языках Северной Азии они и выражаются иным образом.

Таблица 1. Типы погодных конструкций (адаптировано из Eriksen et al. 2012)

Тип события	Тип погодного явления	Некоторые примеры
Динамические	Осадки	дождь снег туман пурга
	Другие	ветер молния
Статичные	Состояние атмосферы	холодно жарко влажно
	Состояние света	светло темно состояние небесных светил?

Объектно-ориентированные	–	лавина/камнепад замерзание/таяние рек цветение
--------------------------	---	---

С точки зрения конструкций, кодирующих погодные события, авторы типологических обзоров [Eriksen et al. 2012; Eriksen et al. 2010] выделяют три главных типа (и несколько промежуточных). Дабы не путать семантические типы погодных явлений (см. Таблицу выше) с синтаксическими типами конструкций, их кодирующих, последние я буду называть типами конструкций или просто типами, а для семантического типа явления всегда будет приводиться уточнение. Я проиллюстрирую эти типы примерами из чукотского языка, хотя, по-видимому, некоторые из них для него являются маргинальными стратегиями (а некоторые важные для чукотского типы, наоборот, не слишком вписываются в эту типологическую классификацию).

Во-первых, погодные конструкции могут выражаться **предикатно-ориентированным** типом (**predicate type**). В данном случае основное содержание погодного события кодируется предикатом (употребляемым как в имперсональной, безаргументной конструкции, так и в конструкции с аргументами), см. (1b, c). Предикат может быть как глагольным, так и именным или адъективным (см. [Eriksen 2012: 385] об этих и других деталях классификации).

В чукотском языке в чистом виде такое кодирование маргинально (см., однако, раздел 2.2). По-видимому, так кодируются некоторые динамические и статические погодные ситуации, не касающиеся осадков. В сущности, так лексикализуются прежде всего ситуации, в которых избегается конкретное указание на их тип (см. (8), дословно значащий «быстро-пришел»), либо существует один синхронно нечленимый корень, их обозначающий (9).

(8) *jəqə-pkir-ʔ-i*

резко-прибывать-th-2/3sg.s

‘Северный ветер подул’ (досл. ‘Резко, быстро налетел’).

(9) *erya.rʔo-yʔ-e*

рассветать<рассвет.distr.s>-th-2/3sg.s

‘Рассвело’ (сам корень *ery*, по-видимому, уже не используется отдельно, но присутствует в многочисленных дериватах).

Во-вторых, погодные конструкции могут выражаться **аргументно-ориентированным** типом (**argument type**): в этом случае основное содержание погодной ситуации выражается аргументом предиката, а предикат имеет сравнительно общее значение (см. (1a)). В чукотском такой тип в чистом виде, по-видимому, отсутствует, полностью вытесняясь конструкциями с отыменными вербализаторами и с инкорпорацией имени (см. раздел 2.2). Тем не менее отдельные примеры таких употреблений можно встретить при элицитации или при ее обсуждении по-чукотски с носителями языка — пример (10a), по-видимому, вполне допустим как парафраз конструкции с инкорпорацией, но несет неясное для меня стилистически узкое ограничение на употребление (ср. с гораздо более широко употребляемым (10b).

(10) а. *ʔsʔesen*

мороз

pkir-yʔ-i

прибывать-th-2/3sg.s

б. *sʔesen-pkir-yʔ-i*

мороз-прибывать-th-2/3sg.s

‘Холодный ветер подул / надуло морозную погоду’.

Аргументно-предикатно-ориентированный тип (**argument-predicate**), встречающийся в других языках (когда содержание погодного явления в сравнительно равной степени выражается и предикатом, и аргументом, см. (1a)), по-видимому, крайне редок в чукотском языке, а в сравнительно естественных контекстах (насколько такими могут быть контексты, полученные в результате элицитации) возникает только для описания достаточно необычных погодных явлений (11a). Но даже в этих контекстах он, по моим наблюдениям, всегда заменяется конструкцией с инкорпорацией (11b).

- (11) *ɲaryən.en eɲer-watrʔə-rʔu-yʔ-i*
 наружа звезда-видимый-distr.s-th-2/3sg.s
 'Показались звезды (на улице / такая погода)'.
- (12) *ɲaryən.ena-ta rə-kory-aw-ne-n nastja*
 наружа-ins tr-радость-cs-3sg.a.3.o-3sg.o Настя
 'Погода обрадовала Настю'.

Таким образом, чукотские клаузы с индексацией третьего лица единственного числа на глаголе не обладают «настоящим» поверхностным подлежащим. Тем не менее у них (в том числе у, по-видимому, «лексически имперсональных» глагольных вершин) могут встречаться дополнения. В таком случае клауза будет переходной, а глагол будет индексировать имперсонального А-участника «третьего лица» и требуемое лицо и число Р-участника (13)⁸. Такие конструкции следует (вслед за [Malchukov 2008]) считать трансимперсональными. Некоторым правилам их употребления посвящен раздел 3.

- (13) *ɲaj-qatrə-n weem-rʔu-ni-n*
 сопка-крутой.берег-nmn река-distr.s-3sg.a.3.o-3sg.o
 '87 километр (название села на крутом берегу реки)
 победившей рекой отрезало (от остальной тундры)'.

Наконец, стоит сказать, что имперсональные конструкции в чукотском не исчерпываются погодными, однако во многом ограничены ими. В чукотском, по-видимому, отсутствуют частые для языков Европы имперсональные пассивные конструкции (подробнее о чукотском пассивном причастии и о понижающих деривациях в этом языке — см. грамматику [Dunn 1999: 139–141, 213–221]). Кроме того, неопределенно-личные конструкции не имеют ни имперсональных, ни трансимперсональных свойств. По-видимому, действительно имперсональными (без по-крайней мере поверхностно определимого подлежащего) клаузами в чукотском выражаются только истинно-безличные (по класси-

⁸ «Эксплетив» *ɲaryən.en* при этом в позиции А-участника встречаться не может.

фикации [Malchukov, Ogawa 2011]) ситуации, которые, тем не менее, не всегда строго говоря являются погодными: см. клаузу, где нет отчетливого субъекта, которая, тем не менее, не описывает природного явления (14).

- (14) *sottaynə-k* *om-ak-wʔ-e*
 пространство.перед.пологом-loc тепло-cs-th-2/3sg.s
 'Во внешнем пространстве яранги стало тепло'.

2.2. Типы погодных конструкций и типы основ, способных их выражать

В этом разделе я перечислю способы образования основ (*stems*), способных выступать в качестве предиката в погодных клаузах в чукотском языке. Сразу же необходимо еще раз отметить, что чукотский язык не слишком удачно вписывается в типологию [Eriksen et al. 2012], очерченную выше. По-видимому, абсолютное большинство глагольных основ, выражающих погодные ситуации в чукотском, морфологически сложны, а сама ситуация выражается содержащимся в основе существительным (изредка — прилагательным), что отличает этот язык от «предпочитающих» предикатно-ориентированные конструкции (см. выше). С другой стороны, информация о погодной ситуации, строго говоря, содержится в синтаксическом предикате, а не в аргументе (хотя этот предикат и морфосинтаксически сложен) — таким образом, предпочтения чукотского не укладываются и в аргументно-ориентированный «тип».

Два наиболее продуктивных типа образования «погодных основ»⁹ (то есть основ глагола, способных служить предикатами в погодных конструкциях) иллюстрируют эту типологическую особенность чукотского. Во-первых, многие погодные предикаты образуются вербализацией основы существительного, обозначающего само погодное явление, с помощью отымённого вербализатора, (15)–(16).

Семантика производимой основы при этом по крайней мере частично предсказуема из семантики производяще-

⁹ Далее я употребляю этот термин без кавычек.

треблениях у него сохраняется семантически «исходный» для этой морфемы оттенок постепенного увеличения от поверхности.

Приведенная выше пара — не исключение из общей тенденции чукотских вербализаторов обладать сравнительно конкретным значением. Приведу еще несколько примеров, когда такие вербализаторы используются для образования основ погодных глаголов (хотя, по моему опыту, такое использование следующих аффиксов менее продуктивно). Первый из вербализаторов, *-et*, один из самых широких по значению в чукотском и невероятно продуктивный в других конструкциях (см. упоминания в грамматиках начиная со [Скорик 1977: 219–220]), в случае погодных конструкций, по-видимому, скорее используется для указания на наличие событийного компонента процесса или состояния (ср. с инхоативной семантикой *-rʔu* выше), (17).

- (17) *rosyən* *sawtə.sqə-wjaʔ-at-yʔ-e*
 противоположный.берег макушка-метель-vb-th-2/3sg.s
 ‘На том берегу поземка (букв. «метель по макушку»)’.

В следующем примере вербализатор *-twə*, в других случаях обозначающий ‘снимать, отделять’ (см. [Kurebito 2001; Виняр 2023]), указывает на исчезновение туч с неба (18).

- (18) *jʔe-twə-yʔ-i*
 облако-take.off-th-2/3sg.s
 ‘(Небо) очистилось от туч’.

Подобное широкое использование целой деривационной системы отымённых вербализаторов может являться необычным для типологии лексикализации погодных предикатов, хотя на ум приходит как минимум схожее использование вербализатора в центральном аляскинском юпике, см. [Miyaoka 2011; 2012: 881]. Для чукотского языка, однако, такое использование отымённых¹¹ вербализаторов не пред-

¹¹ Выше я не обсуждал примеры, в которых подобные предикаты образуются схожим образом от адъективных или т. н. «качественных» основ, хотя такие образования, по-видимому, явля-

ставляется удивительным — в этом языке такие деривационные аффиксы обладают и высокими продуктивностью вместе с семантической регулярностью, и значением с разной степенью конкретности. Некоторые из них (см., к примеру, (17)) ближе к деривационным аффиксам, привычным лингвистам по материалу языков Европы. Другие же, по-видимому, несут чрезвычайно конкретное значение, близкое к лексическому, см. рассуждения о лексических аффиксах в [Mithun 1997; Boye 2023], а также для чукотского материала в [Kurebito 2001] и [Виняр 2019].

Другим средством образования основ погодных глаголов является инкорпорация единственного ядерного аргумента, S-участника, в основу глагола. В примере (19) из текста «Юргаяк»¹² (предложение 9) существительные, обозначающие заканчивающиеся (дословно — проходящие) погодные явления, инкорпорируются в непереходные глаголы, образуя, как и в случаях выше, синтаксически нуль-местную, имперсональную клаузу.

- (19) Ø-wəje-yʔa-yʔ-e,
 2/3.s/a-воздух-проходить-TH-2/3SG.S
 Ø-wja-yata-yʔ-e
 2/3.s/a-поземка-проходить-th-2/3sg.s
 ‘Уже и ветер стих, и снежный вихрь прошел’.

Как и в других случаях инкорпорации существительного в глагол в чукотском, синтаксические возможности существительного подавляются, оно становится как бы «невидимым» и для индексации на глаголе, и для падежной рамки клаузы (см., в частности, работы [Скорик 1948; Недялков 1977, 1982; Kozinsky et al. 1988]). Особенность инкорпорации для образования основы погодных глаголов — в том, что таким образом подавляется, по-видимому, единствен-

ются регулярным как минимум для суффикса *-twi*, см. в частности *witqə-twi* ‘вечереть’ от *witqə* ‘темный, быть темным’.

¹² Этот и другие спонтанные тексты, записанные и расшифрованные участниками проекта по документации амгуэмского варианта чукотского языка, можно найти на сайте chuklang.ru.

ный аргумент глагола. Этим, как отметил [Недялков 1977, 1982], она отличается от других типов «инкорпорации подлежащего» в чукотском, при которой освободившуюся позицию S-участника обязательно занимает какой-то другой участник, лексически не являющийся аргументом исходной глагольной основы, но получающий воздействие в ходе протекания ситуации. Такая особенность именно погодных конструкций образовывать клаузы с безличной «инкорпорацией подлежащего» отмечается не только для чукотского и встречается также в языках и с менее продуктивной инкорпорацией — см. к примеру, западный фризский (20), где безлична, по-видимому, из всех типов только погодная инкорпорация, подробнее в [Dijk 1997: 71–79] и ср. со схожим рассуждением в [Baker et al. 2005]. О том, действительно ли в чукотском клаузы с имперсональной инкорпорацией «требуют» именно погодной ситуации, я буду рассуждать в Разделе 3.1.

- (20) *it* *begjint* *te* *snie-wiskje*
 это начинает inf снег-летать
 ‘Начинается снегопад’ [Dijk 1997: 76].

Выше я привел пример инкорпорации в чукотском, которая создает основу для описания атмосферного явления (в классификации [Eriksen et al. 2012], модифицированной в Таблице 1 — динамические явления без осадков). Однако чаще всего, по-видимому, инкорпорация используется для описания погодных явлений, у которых объекты выделяются более точно. К примеру, для указания на астрономические явления: см. (11), повторенный ниже как (21); (22) и (23).

- (21) а. *eŋet-ti* *wətrə-rʔu-yʔe-t*
 звезда-nom.pl видимый-distr.s-th-pl
 б. *eŋer-wətrə-rʔu-yʔ-i*
 звезда-видимый-distr.s-th-2/3sg.s
 ‘Показались звезды’.

- (22) *terk-amesat-yʔ-e*
 солнце-исчезать-th-2/3sg.s
 ‘Солнце скрылось/зашло’.

(23) *jiŋy-inini-yʔ-i*

месяц-появляться-th-2/3sg.s

‘Луна/месяц появилась/показалась’.

Кроме того, синтаксически (и, по-видимому, функционально) идентичными конструкциями описываются ситуации, обычно не включаемые в «погодные явления» (*weather phenomena*) в лингвистических работах: см. (24), (25). В рамках этой работы я не буду спорить, должны ли явления природы, принципиально не контролируемые человеком и (до самого недавнего времени) не связанные с человеческой (или животной) деятельностью, рассматриваться вместе с атмосферными явлениями, несмотря на то, что объекты, участвующие в этих явлениях, «более осязаемы», чем, к примеру, осадки, или же для чукотского и подобных языков стоит ввести термин природные явления (*natural phenomena*) как гипероним по отношению к погодным явлениям; — по-видимому, и другие лингвисты, изучающие погодные явления, не придерживаются строго исключаящего взгляда на область своих исследований (см. [Eriksen et al. 2012; Dong et al. 2020] и показательное рассуждение в [Langacker 1991: 365]). Здесь лишь отметим, что хотя и подобные «объектно-ориентированные» явления в чукотском, по-видимому, чаще выражаются инкорпорацией, они же могут выражаться и более «стандартным» способом через отымённые глаголы, ср. (25) и (13).

(24) *neja-k*

сопка-loc

wʔej-inini-yʔ-i

травя-появляться-th-2/3sg.s

‘На сопках уже трава появилась’.

(25) *weem-rʔite-yʔ-i*

река-скакать-th-2/3sg.s

‘Реки вскрылись ото льда, побежали’.

Сделаем краткое обобщение о типах образования основ погодных глаголов и соответствующих конструкций чукотского, которые «не совсем укладываются» в признанную классификацию [Eriksen et al. 2012] (о ней — см. раздел 2.1) и некоторые другие предложенные альтернативы вроде [Dong

et al. 2020]. Строго говоря, и при образовании отымённого глагола, и при инкорпорации имени основную семантическую нагрузку несет на себе аргумент, а не предикат. Однако морфосинтаксические возможности чукотского включать основу аргумента в глагольную словоформу-вершину (или с помощью вербализаторов, образующих целую систему с лексическими аффиксами, или с помощью инкорпорации имени) приводят к тому, что этот аргумент оказывается не независимым, а включенным в глагольную словоформу. В чукотском, в результате, основные стратегии образования погодных конструкций нельзя классифицировать как аргументно-ориентированные — этот самый аргумент оказывается тем или иным образом включен в предикат.

3. Case studies: (транс)имперсональные конструкции и инкорпорация подлежащего

В двух следующих подразделах я очерчу предварительные наблюдения и выводы, касающиеся особенностей синтаксиса погодных конструкций в чукотском языке.

3.1. Погодная инкорпорация как особый случай S-инкорпорации

В предыдущем разделе я указал, что чукотская инкорпорация, образующая погодные предикаты (см. (19)–(23)), отличается от других конструкций инкорпорации возможностью получившейся клаузы оставаться имперсональной (как и при других способах образования, упомянутых в работе). Для сравнения можно привести типичный пример выражения глагола с инкорпорацией ситуации, не являющейся погодной, а связанной с деятельностью человека. В (26a) представлено обычное непереходное предложение. Хотя поломка яранги и происходит из-за погоды, сама поломка яранги (в отличие от (21)–(23) выше) — не погодное явление (так как яранга является артефактом). В (26b) и (26c) представлены клаузы, возможные при инкорпорации S-участника (яранги). В (26b) «новым» непереходным подлежащим становится неядерный участник, место, оказавшее-

ся под воздействием (стойбище)¹³. В примере (26с), в свою очередь, нет никакого поверхностно выраженного «нового» подлежащего, однако клауза интерпретируется консультантами как однозначно указывающая на некоторого участника третьего лица единственного числа, пострадавшего от поломки яранги. Таким образом, индексация 3sg.s в этом примере выполняет иную функцию, чем в имперсональных примерах выше, являясь собственно личным показателем¹⁴.

(26) а. *joo-k* *nətnəmə-k* *jara-ŋə*
 пурга-LOC стойбище-LOC яранга-NOM.SG
 ye-simet-ŋin
 PF-ломаться-PF.3SG

б. *joo-k* *nətnəmə-∅*
 пурга-LOC стойбище-NOM.SG
 ya-ra-semat-ŋen
 PF-дом.INC-ломаться-PF.3SG

 ‘В пургу в стойбище поломалась яранга’.
 с. *joo-k* *nətnəmə-k* *ya-ra-semat-ŋen*
 пурга-LOC стойбище-LOC PF-дом.INC-ломаться-PF.3SG
 ‘В пургу в стойбище у него/у нее поломалась яранга’.

В разделе 2.2 я указал, что особенная возможность инкорпорации S-участника образовывать имперсональные конструкции именно при описании погодных ситуаций на-

¹³ Стоит отметить, что некоторые информанты предпочитают предложению (b) аналогичное, но в котором суффиксом глагольной множественности эксплицитно указывается, что поломанных яранг было много и что событие затронуло стойбище целиком.

¹⁴ При анализе в рамках некоторых теорий существует возможность, что в таких имперсональных предложениях позицию подлежащего на самом деле занимает некоторый нулевой элемент (в частности, см. обсуждение в схожих случаях в [Baker et al. 2005]). Могу отметить, что как минимум постулировать здесь опущенный ненулевой эксплетив было бы затруднительно, так как единственный кандидат на роль такого опущенного подлежащего — *ŋarʉŋen* — невозможен по крайней мере в клаузах типа (27) и (33).

блюдается в разных языках. Приведем еще один пример для чукотского ((27), в котором не наблюдается того же эффекта, что и в (26с)), а также сошлемся также на кетские данные в [Vajda 2017: 921], см. (28).

- (27) *neja-k* *Ø-wəkwə-were-yʔ-e*
 сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
 'На сопке случился оползень'.

- (28) *ul-a-ta*
 дождь-PRES-падать
 'Идет дождь' [Vajda 2017: 921].

Остается вопросом, действительно ли именно связь инкорпорирующего предиката с погодной ситуацией (а не с ситуацией, связанной с «человеческим пространством» или «пространством жизнедеятельности животных») «позволяет» инкорпорации S-участника образовывать имперсональные клаузы без продвижения в позицию непереходного подлежащего другого участника под воздействием. Для ответа на этот вопрос, по-видимому, нужно определиться с двумя возможностями:

- Могут ли глаголы, обычно неспособные употребляться в имперсональной конструкции, употребляться в ней в том случае, если предполагают обобщенно-личного участника под воздействием, даже если эта ситуация не является погодной?
- Могут ли глаголы с инкорпорированным существительным, способные употребляться при описании погодных ситуаций имперсонально, точно так же употребляться имперсонально в том случае, если они описывают ситуации, не являющиеся погодными?

На первый вопрос, по-видимому, у нас есть вполне определенный отрицательный ответ. В ходе элицитации консультантам без всякого предыдущего контекста предлагались предложения (29) и (30). Я спрашивал, можно ли употребить такие высказывания в качестве описаний правил тундровой жизни или же предостережений, то есть в

контексте, когда не предполагается никакого участника под воздействием (ни того, у кого скисает рыба в (29), ни того, у кого могла бы рухнуть яранга в (30)). В обоих случаях консультанты отвергали предложения, часто спрашивая, с кем именно происходит данная ситуация.

- (29) *ʔeqeyni-tə-k* *eqəʔpe* *nə-nnə-wiʔ-et-qin*
солнцек-VB-LOC быстро ST-рыба-кислый-VB-ST.3SG
Невозможная интерпретация: 'На солнце рыба быстро киснет'.
Интерпретация: 'У нее/у кого-то рыба быстро киснет на солнце'.

- (30) *jo-an-ma* *nə-ra-semat-qena-t*
пурга-VB-SIM ST-дом-ломаться-ST.3SG-PL
Невозможная интерпретация: 'В пургу яранги ломаются'.
Интерпретация: 'У кого-то в пургу яранга ломалась'.

Для ответа на второй вопрос необходимо посмотреть на «физически одно и то же» событие в двух разных ситуациях: когда оно происходит «само по себе» (в природе), и когда оно происходит вне природного контекста («спровоцировано людьми»).

Мне удалось проверить в подобных двух контекстах пока лишь одну глагольную основу, поэтому любые следующие выводы можно считать лишь предварительными. В чукотском предсказуемым образом (см. раздел 2) безлично инкорпорироваться в природном контексте может корень «снег» в глагол «таять», производя безличную конструкцию (31).

- (31) *ramajə-k* *y-ʔeʔə-ʔə-ʔin*
поселок pf-снег-таять-pf.3sg
'Снег в поселке растаял'.

Тем не менее, в случае, если снег тает не естественно, а из-за воздействия тепла помещения, конструкция уже не может быть имперсональной. Мы спрашивали следующую ситуацию у наших консультантов (с чукотского стимула):

«Гости незнакомы с чукотскими обычаями и зашли в квартиру, не выбившись от снега, только там почистились от снега, и в коридоре снег растаял». Такой сложный контекст был нужен для того, чтобы исключить референцию индекса 3sg.s к человеку, на котором тает снег, а также для того, чтобы исключить вероятность того, что место, в котором растаял снег, займет позицию подлежащего. Предложенное консультантам предложение (32) оценивалось как странное, а интерпретация, которую они предлагали, указывает, что «таяние снега в помещении» не может быть имперсональным, а требует воздействие на кого-то или что-то, оказывающееся под влиянием этого таяния.

- (32) *??remkə-ʔə-t* *tiwə-pʔətku-yʔe-t* *i*
 гостить-attr-nom.pl выбиваться.от.снега-compl-th-pl иR
ʔəʔ-təʔə-yʔ-i *sottaynə-k*
 снег-таять-th-2/3sg.s внешняя.часть.яранги-loc
 Ожидаемо: Гости выбились от снега (внутри),
 а потом в коридоре снег растаял.
 Интерпретация: Гости зашли, уже потом выбились
 от снега, а потом у кого-то (другого) снег растаял
 в коридоре’.

3.2. Погодные предикаты в персональном и трансимперсональном использовании

Кратко рассмотрим трансимперсональные и персональные (в данном случае — имеющие единственного ядерного участника синтаксически непереходной клаузы) употребления погодных имперсональных глагольных основ.

Оба этих употребления отличаются от собственно имперсональных — в последних поверхностно-синтаксически не присутствует ядерных участников, отсылающих к участвующим в погодной ситуации. При этом основы, способные употребляться имперсонально (33), также способны употребляться и персонально, «продвигая» участника под воздействием в позицию непереходного подлежащего (34), и трансимперсонально, делая такого участника под воздействием прямым дополнением (35).

- (33) *Ø-weem-rʔite-yʔ-i*.
 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘Реки побежали’.
- (34) *ɾamaj Ø-weem-rʔite-yʔ-i*
 поселок 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘В поселке все реки и ручьи побежали’.
- (35) *ɾamaj Ø-weem-rʔite-ni-n*
 поселок 2/3.S/A-река-скакать-3SG.A.3.O-3SG.O
 ‘Поселок отрезало побежавшей/побежавшими рекой/
 реками’.

Вслед за [Недялков 1982] отметим, что персональные употребления вроде (34) семантически близки имперсональным клаузам, в которых пространственный участник выражен как косвенный объект в одном из косвенных пространственных падежей (как правило — в локативе), (36).

- (36) *ɾamajə-k Ø-weem-rʔite-yʔ-i*
 поселок-loc 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
 ‘В поселке река/реки и ручей/ручьи побежали’.

Разница между квазисинонимичными персональной конструкцией (34) и имперсональной конструкцией с локативом (36) на данный момент представляется мне тонкой, запутанной и, в конечном счете, не полностью ясной. На уровне интуиции и комментариев консультантов персональная конструкция употребляется скорее в тех случаях, когда профилируется воздействие явления, происходящего с инкорпорированным или вербализуемым (см. Раздел 2.2) природным объектом, на пространственного участника, в то время как имперсональная конструкция более нейтральна в данном отношении. Это косвенно подтверждается и тем, что такая «нейтральная» конструкция, как бы не подразумевающая воздействия на пространство, кажется некоторым информантам менее подходящей в тех случаях, когда природный объект является составной частью пространственного участника (37).

- (37) а. *ɲeɥ-nə Ø-wəkwə-were-yʔ-e*
 сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S

- b. *ʔeja-k* *Ø-wəkwə-were-ɣʔ-e*
 сопка-LOC 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
 'На сопке случился оползень'.

Рассмотрим теперь разницу между персональной (34) и трансимперсональной (35) конструкциями, позволяющими кодировать не только погодные явления, но и участника, получающего в результате них воздействие. Хотя две конструкции как будто бы и могут использоваться «взаимозаменяемо», для описания некоторых близких ситуаций (см. (34) и (35)), две конструкции, по наблюдению [Недялков 1982], семантически отличаются. Представляется, что мне удалось довести эти наблюдения до конкретных ограничений на употребление двух конструкций.

Прежде всего, позицию непереходного подлежащего при таких погодных глаголах может занимать только неодушевленный участник (34), (38). Одушевленный участник, находящийся под воздействием погодного явления, всегда занимает только позицию прямого дополнения в трансимперсональной конструкции (39).

- (38) *jʔii-n* *jʔe-twə-ɣʔ-i*
 небо-NOM.SG туча-REV-ТН-2/3SG.S
 'Небо очистилось от туч'.

- (39) *ena-rʔora-wə-tʔə-n* *jʔe-twə-ni-n*
 ANTI-овод-CS-ATTR-NOM.SG туча-REV-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Небо очистилось, и это нехорошо для летнего пастуха
 (букв. «того, кто оводит») (ему будет сложнее дежурить)'.

Как я покажу далее, это ограничение не касается одушевленности самой по себе, а является следствием более широкого ограничения на внешний или внутренний характер воздействия. Пока отметим, что примечательна реакция консультантов на попытку употребления одушевленного участника в непереходной персональной конструкции (40) вместо трансимперсональной (41). Вместо естественного русского перевода «попасть под X», высказывание, по мнению консультантов, как будто бы указывает, что погодная

ситуация происходит «у» одушевленного участника или «внутри» него.

- (40) *#?ɲinqeʃ* *it̪ə-rʔu-ɣʔ-i*
 мальчик.NOM.SG дождь-DISTR.S-TH-2/3SG.S
 Интерпретация: 'Как будто у мальчика дождь пошел'.

- (41) *ɲinqeʃ* *it̪ə-rʔu-ni-n*
 мальчик.NOM.SG дождь-DISTR.S-3SG.A.3.O-3SG.O
 'Мальчик попал под дождь'.

Функциональное разделение между двумя конструкциями, по-видимому, происходит из разделения воздействий погодных ситуаций на пространственно внешние и внутренние по отношению к участнику под этим самым воздействием: внешние воздействия кодируются трансимперсональной конструкцией, в то время как внутреннее — непереходной персональной. Воздействие погоды на любого одушевленного участника (животное или человека) «по определению» внешнее — природные явления не концептуализируются как происходящие на границе или на поверхности живых существ. Этим и обусловлена возможность кодировать такие случаи только трансимперсональной конструкцией.

В случае же воздействия на неживого участника у чукотских погодных клауз существует две возможности: указать, что погодная ситуация происходит из-за границ объекта под воздействием, употребив трансимперсональную конструкцию, или же локализовать погодную ситуацию в том числе и внутри объекта под воздействием¹⁵. Такая разница наглядно видна на примерах, в которых погодная ситуация имеет сравнительно четко очерчиваемые границы и

¹⁵ Здесь я специально выражаюсь несколько неоднозначно. Строго говоря, такие ситуации, как дождь, не происходят исключительно внутри села, которое находится под дождем. Однако «внешний компонент» такой погодной ситуации ничем не отличается от «внутреннего», в отличие от ситуации с мальчиком, попавшим под дождь, где четко выделима внешняя погодная сила, действующая на осязаемые границы мальчика.

источник возникновения. Сравним (42) и (43). В то время как непреходная персональная конструкция в (42) обозначает событие, происходящее в границах сопки, трансимперсональная конструкция в (43) интерпретируется как кодирующая событие, внешнее по отношению к сопке (начинающееся на другой сопке).

- (42) *neŋ-nə* *Ø-wəkwə-were-ŋʔ-e*
сопка-NOM.SG 2/3.S/A-камень-спускаться-ТН-2/3SG.S
'На сопке случился оползень'.

- (43) *neŋ-nə*
сопка-NOM.SG
Ø-wəkwə-were-ne-n
2/3.S/A-камень-спускаться-3SG.A.3.O-3SG.O
'Оползень с сопки на сопку'.

Подобное пространственное различие между двумя конструкциями объясняет и разницу между интерпретациями (34) и (35), повторенных ниже как (44) и (45). Если (44) указывает на разлив рек и ручьев внутри поселка, то трансимперсональная конструкция (45) предполагает воздействие разлива на поселок извне, то есть его «отрезание» от остальной тундры.

- (44) *raŋaŋ* *Ø-weem-rʔite-ŋʔ-i*
поселок 2/3.S/A-река-скакать-ТН-2/3SG.S
'В поселке все реки и ручьи побежали'.

- (45) *raŋaŋ* *Ø-weem-rʔite-ni-n*
поселок 2/3.S/A-река-скакать-3SG.A.3.O-3SG.O
'Поселок отрезало побежавшей/побежавшими рекой/реками'.

Раздел 4. Выводы и обсуждение

Как синтаксис погодных конструкций, так и образование основ глаголов, участвующих в этих конструкциях в чукотском языке, представляет интерес как с точки зрения классификации, так и с точки зрения принципов орга-

низации, имеющих отношение к этой области грамматики и лексики. Локус концентрации лексической семантики в чукотских погодных конструкциях плохо укладывается в удобное для других языков разделение между аргументами и предикатами (см. Раздел 2.1). При этом особенность чукотского не ставит под сомнение саму классификацию (которая показала свою полезность и для индоевропейских [Andrason 2019], и для неиндоевропейских языков, см. к примеру см. работу [Arteatx & Artiagoitia 2022]). Она скорее задает вопросы к соотносению роли общих типологических тенденций и лингвоспецифичных средств: возникает ли особенность погодных конструкций в чукотском из наличия в нем продуктивных и регулярных конструкций инкорпорации подлежащего и отыменных вербализаторов (см. Раздел 2.2) или же нечто в погодных ситуациях «привлекает» именно эти средства для их выражения в чукотском.

Для размышления на подобные темы необходимы как более ареально сбалансированные типологические исследования, так и более глубокие исследования конкретных языков. Продуктивным представляется и отдельные ареальные сравнения: возможность «персонализации» имперсональных конструкций в чукотском напоминает адверсативы от нульместных предикатов в эвенском языке (см. [Malchukov 1993]), а также трансимперсональные и подобные им конструкции в кетском (см. [Vajda et al. 2011]). В Разделе 3 мы предварительно наметили два таких направления для чукотского языка. Есть основания полагать, что погодные ситуации занимают особую нишу, не сводимую ни к общим синтаксическим правилам инкорпорации, ни к поведению конкретных лексических единиц (Раздел 3.1). Кроме того, чукотские данные пополняют наши знания о принципах, руководящих синтаксисом погодных конструкций (см. предварительные обобщения о роли осадков как особого семантического типа в ([Eriksen et al. 2010]) и концептуализации направления в [Dong et al. 2020]), что, вероятно, делает предположения о неких универсальных принципах организации этой области синтаксиса пока преждевременными

(вопреки [Dong et al. 2020], но вполне в духе размышления [Levin & Krejci 2019]).

Условные сокращения

1, 2, 3	1st, 2nd, 3rd person	NEG	negation
A	transitive subject	NMLZ	nominalization
ABL	ablative	NOM	nominative
AN	high in animacy	NP	nominal predicate
AP	antipassive	O	direct object
ATTR	attributive	OBL	oblique
CS	change of state	ORI	orientative
CATCH	catch, hunt	PF	perfect
CONT	container	PL	plural
DAT	dative	PRF	perfective
DET	determiner	PRS	present
DIM	diminutive	PRT	particle (evidential)
DISTR	distributive	PST	past
EAT	consume x	PTCL	particle
EMPH	emphatic particle	PTCP	participle
EQU	equative	REL	relational
ERG	ergative	S	intransitive subject
FUT	future	SG	singular
GEN	genitive	SIM	simultaneous
GOOD	good, intensifier	ST	stative
IN	inside an object	SUBJ	subjunctive
INF	infinitive	TR	transitivizer
INS	instrumental	TH	thematic suffix
IPFV	imperfective	TOP	top of an object
ITER	iterative	INTS	intensifier
LOC	locative	INV	inverse

LOC	locative	TRSF	transformative, become x
LOW.A	agent low on person hierarchy	VB	verbalizer
MAT	material		

Литература

Виняр 2018 — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты [Электронный ресурс]. URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf

Виняр 2019 — Виняр А. И. Суффиксальные предикаты в чукотском: семантика, типология и источник возникновения. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, 2019, 3: 9–21.

Виняр 2023 — Виняр А. И. *Инкорпорация имени в чукотском: силовая динамика и диахроническая типология*. Диссертация ... к. ф. н. НИУ ВШЭ. Москва, 2023.

Мальцева 1998 — Мальцева А. А. *Морфология глагола в алюторском языке*. Новосибирск, 1998.

Муравьева 1979 — Муравьева И. А. *Сопоставительное исследование морфонологии чукотского, корякского и алюторского языков*. Диссертация ... к. ф. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1979.

Недялков 1977 — Недялков В. П. Посессивность и инкорпорация в чукотском языке (инкорпорация подлежащего). В. С. Храковский (ред.). *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Ленинград, 1977, 108–138.

Недялков 1982 — Недялков В. П. Чукотские глаголы с инкорпорированным подлежащим. С. Д. Кацнельсон (отв. ред.). *Категория субъекта и объекта в языках различных типов*. Ленинград, 1982, 135–153.

Пупынина 2013 — Пупынина М. Ю. Чукотский язык: география, говоры и представления носителей о членении своей языковой общности. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 2013, 9 (3): 245–260.

Скорик 1948 — Скорик П. Я. *Очерки по синтаксису чукотского языка: Инкорпорация*. Ленинград, 1948.

Скорик 1961 — Скорик П. Я. *Грамматика чукотского языка*. Ч. 1. *Фонетика и морфология именных частей речи*. Москва; Ленинград, 1961.

Andrason 2019 — Andrason, A. Weather in Polish: a contribution to the typology of meteorological constructions. *Studia Linguistica*, 2019, 73 (1): 66–105.

Arteatx & Artiagoitia 2022 — Arteatx I., Artiagoitia X. Weather expressions in Basque: A typological perspective. *Studies in Language*, 2022, 46 (3): 718–751.

Baker, Aranovich, Golluscio 2005 — Baker M. C., Aranovich R., Golluscio L. A. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*, 2005, 81: 138–176.

Boye 2023 — Boye, K. Grammaticalization as conventionalization of discursively secondary status: Deconstructing the lexical–grammatical continuum. *Transactions of the Philological Society*, 2023, 121 (2): 270–292.

Comrie 1979 — Comrie B. Degrees of ergativity: some Chukchee evidence. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 219–240.

Dong et al. 2020 — Dong S., Huang Ch.-R., Ren H. Towards a new typology of meteorological events: A study based on synchronic and diachronic data. *Lingua*, 2020, 247, 102894.

Dijk 1997 — Dijk S. *Noun incorporation in Frisian*. Doctoral dissertation, University of Groningen, 1997.

Dunn 1999 — Dunn M. J. *A Grammar of Chukchi*. Ph.D. diss. Australian National University, 1999.

Eriksen et al. 2010 — Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. The linguistics of weather: Cross-linguistic patterns of meteorological expressions. *Studies in Language*, 2010, 34 (3): 565–601.

Eriksen et al. 2012 — Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. Weather and language. *Language and Linguistics Compass*, 2012, 6 (6): 383–402.

Fortescue 2005 — Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Berlin, 2005.

Kasyanova 2016 — Kasyanova P. *Inconsistent ergativity in Chukchi*. MA thesis. Moscow, 2016.

Kozinsky et al. 1988 — Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. Shibatani M. (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam, 1998, 651–706.

Kurebito 2001 — Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. O. Miyaoka, F. Endo (eds.). *Languages of the North Pacific Rim*, vol. 6. Suita, Japan, 2001, 65–84.

Levin, Krejci 2019 — Levin B., Krejci B. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2019, 4 (1), 58: 1–29.

Malchukov 1993 — Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam, 1993, 369–384.

Malchukov 2008 — Malchukov A. L. Split intransitives, experiencer objects and ‘transimpersonal’ constructions: (re-)establishing the connection. M. Donohue, S. Wichmann (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford University Press, 2008, 76–100.

Malchukov, Ogawa 2011 — Malchukov A. L., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 19–54.

Malchukov, Siewierska 2011 — Malchukov A. L., Siewierska A. (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011.

Mattissen 2004 — Mattissen J. A. Structural typology of polysynthesis. *Word*, 2004, 55 (2): 189–216.

Mithun 1987 — Mithun, M. Is basic word order universal? R. S. Tomlin (ed.). *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of a Symposium, Eugene, Oregon, June 1984*. Amsterdam, 1987, 281–328.

Miyaoka 2011 — Miyaoka, O. Impersonal verbs in Central Alaskan Yupik (Eskimoan). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 459–488.

Miyaoka 2012 — Miyaoka, O. *A grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin, 2012.

Langacker 1991 — Langacker, R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 2. Stanford, 1991.

Mithun 1997 — Mithun M. Lexical Affixes and Morphological Typology. J. L. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam, 1997, 357–371.

Muravyova et al. 2001 — Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Ms., Moscow, 2001.

Nedjalkov 1979 — Nedjalkov V. P. Degrees of ergativity in Chukchee. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 241–262.

Nichols 1986 — Nichols J. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*, 1986, 62 (1): 56–119.

Polinsky 2016 — Polinsky M. *Deconstructing ergativity: two types of ergative languages and their features*. Oxford, 2016.

Salo 2011 — Salo M. Meteorological verbs in Uralic languages — are there any impersonal structures to be found. *Impersonal constructions: a cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 395–438.

Vajda 2017 — Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans (eds). *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford, 2017, 906–929.

Vajda et al. 2011 — Vajda E. J., Nefedov A., Malchukov A. L. Impersonal constructions in Ket. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 439–458.

Weinstein 2018 — Weinstein Ch. Chukchi-French-English-Russian dictionary. In 3 vols. 2nd ed. Anadyr; St. Petersburg, 2018.

References

Andrason A. Weather in Polish: a contribution to the typology of meteorological constructions. *Studia Linguistica*, 2019, 73 (1): 66–105.

Arteatx I., Artiagoitia X. Weather expressions in Basque: A typological perspective. *Studies in Language*, 2022, 46 (3): 718–751.

Baker M. C., Aranovich R., Golluscio L. A. Two types of syntactic noun incorporation: Noun incorporation in Mapudungun and its typological implications. *Language*, 2005, 81: 138–176.

Boye K. Grammaticalization as conventionalization of discursively secondary status: Deconstructing the lexical–grammatical continuum. *Transactions of the Philological Society*, 2023, 121 (2): 270–292.

Comrie B. Degrees of ergativity: some Chukchee evidence. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 219–240.

Dijk S. *Noun incorporation in Frisian*. Doctoral dissertation, University of Groningen, 1997.

Dong S., Huang Ch.-R., Ren H. Towards a new typology of meteorological events: A study based on synchronic and diachronic data. *Lingua*, 2020, 247, 102894.

Dunn M. J. *A Grammar of Chukchi*. Ph. D. diss. Australian National University, 1999.

Eriksen P. K., Kittilä S., Kolehmainen L. Weather and language. *Language and Linguistics Compass*, 2012, 6 (6): 383–402.

Eriksen P. K., Kittilä, S., Kolehmainen L. The linguistics of weather: Cross-linguistic patterns of meteorological expressions. *Studies in Language*, 2010, 34 (3): 565–601.

Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Berlin, 2005.

Kasyanova P. *Inconsistent ergativity in Chukchi*. MA thesis. Moscow, 2016.

Kozinsky I. S., Nedjalkov V. P., Polinskaja M. S. Antipassive in Chukchee: Oblique object, object incorporation, zero object. Shibatani M. (ed.). *Passive and voice*. Amsterdam, 1998, 651–706.

Kurebito T. On lexical affixes in Chukchi. O. Miyaoka, F. Endo (eds.). *Languages of the North Pacific Rim*, vol. 6. Suita, Japan, 2001, 65–84.

Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*, vol. 2. Stanford, 1991.

Levin B., Krejci B. Talking about the weather: Two construals of precipitation events in English. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 2019, 4 (1), 58: 1–29.

Malchukov A. L. Adversative constructions in Even in relation to passive and permissive. Comrie B., Polinsky M. (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam, 1993, 369–384.

Malchukov A. L. Split intransitives, experiencer objects and ‘transimpersonal’ constructions: (re-)establishing the connection. M. Donohue, S. Wichmann (eds.). *The typology of semantic alignment*. Oxford University Press, 2008, 76–100.

Malchukov A. L., Ogawa A. Towards a typology of impersonal constructions: A semantic map approach. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 19–54.

Malchukov A. L., Siewierska A. (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011.

Mal'tseva A. A. *Morfologiya glagola v alyutorskom yazyke* [Verb morphology in the Alutor language]. Novosibirsk, 1998. (In Russ.)

Mattissen J. A. Structural typology of polysynthesis. *Word*, 2004, 55 (2): 189–216.

Mithun M. Is basic word order universal? R. S. Tomlin (ed.). *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of a Symposium, Eugene, Oregon, June 1984*. Amsterdam, 1987, 281–328.

Mithun M. Lexical Affixes and Morphological Typology. J. L. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam, 1997, 357–371.

Miyaoka O. *A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY)*. Berlin, 2012.

Miyaoka O. Impersonal verbs in Central Alaskan Yupik (Eskimoan). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 459–488.

Murav'eva I. A. *Sopostavitel'noe issledovanie morfonologii chukotskogo, koryakskogo i alyutorskogo yazykov* [A comparative study of the morphophonology of the Chukchi, Koryak and Alutor languages]. Dissertatsiya ... k. f. n. M.: MGU im. M. V. Lomonosova, 1979. (In Russ.)

Muravyova I. A., Daniel M. A., Zhdanova T. Ju. *Chukchi language and folklore in texts collected by V. G. Bogoraz*. Ms., Moscow, 2001.

Nedjalkov V. P. Degrees of ergativity in Chukchee. Plank F. (ed.). *Ergativity: Towards a theory of grammatical relations*. London, 1979, 241–262.

Nedyalkov V. P. Chukotskie glagoly s inkorporirovannym podlezhashchim [Chukchi verbs with incorporated subjects]. S. D. Katsnel'son (otv. red.). *Kategoriya sub"ekta i ob"ekta v yazykakh razlichnykh tipov*. Leningrad, 1982, 135–153. (In Russ.)

Nedyalkov V. P. Posessivnost' i inkorporatsiya v chukotskom yazyke (inkorporatsiya podlezhashchego) [Possession and incorporation in the Chukchi language (subject incorporation)]. V. S. Khrakovskii (red.). *Problemy lingvisticheskoi tipologii i struktury yazyka*. Leningrad, 1977, 108–138. (In Russ.)

Nichols J. Head-marking and Dependent-marking Grammar. *Language*, 1986, 62 (1): 56–119.

Polinsky M. *Deconstructing ergativity: two types of ergative languages and their features*. Oxford, 2016.

Pupynina M. Yu. Chukotskii yazyk: geografiya, govory i predstavleniya nositelei o chlenenii svoei yazykovoi obshchnosti [The Chukchi language: geography, dialects, and speakers' ideas about the division of their linguistic community]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, 2013, 9 (3): 245–260. (In Russ.)

Salo M. Meteorological verbs in Uralic languages — are there any impersonal structures to be found. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 395–438.

Skorik P. Ya. *Grammatika chukotskogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya imennykh chastei rechi* [Grammar of the Chukchi language. Part 1. Phonetics and morphology of nominal parts of speech]. Moskva; Leningrad, 1961. (In Russ.)

Skorik P. Ya. *Ocherki po sintaksisu chukotskogo yazyka: Inkorporatsiya* [Essays on the Syntax of the Chukchi Language: Incorporation]. Leningrad, 1948. (In Russ.)

Vajda E. J. Polysynthesis in Ket. M. Fortescue, M. Mithun, Evans (eds). *The Oxford handbook of polysynthesis*. Oxford, 2017, 906–929.

Vajda E. J., Nefedov A., Malchukov A. L. Impersonal constructions in Ket. *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam, 2011, 439–458.

Vinyar A. I. *Inkorporatsiya imeni v chukotskom: silovaya dinamika i diakhronicheskaya tipologiya* [Name incorporation in Chukchi: Power dynamics and diachronic Typology]. Dissertatsiya ... k. f. n. NIU VShE. Moskva, 2023. (In Russ.)

Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty* [Suffixal predicates]. URL: https://chuklang.ru/media/sketch/ckt_AV_suffixal_predicates.pdf (In Russ.)

Vinyar A. I. *Suffiksalye predikaty v chukotskom: semantika, tipologiya i istochnik vozniknoveniya* [Suffixal predicates in Chukchi: Semantics, Typology and Origin]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2019, 3: 9–21. (In Russ.)

Weinstein Ch. *Chukchi-French-English-Russian dictionary*. In 3 vols. 2nd ed. Anadyr; St. Petersburg, 2018.